

Г. С. Смирнов

Ивановский государственный университет

ГЛОБАЛЬНОЕ ТЕХНОСФЕРНОЕ СОЗНАНИЕ: ОТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ ДО ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ*

В системе современного глобального сознания (которое включает в себя научное глобальное, экономическое глобальное, экологическое глобальное, демографическое глобальное, правовое глобальное и т.д. сознание) *глобальное техносферное сознание* не привлекает особенного внимания исследователей. Причиной тому, судя по всему, является материально-экономическая парадигма осмысления технических и технологических процессов мировой динамики. Считается, что техника сама по себе предстает в качестве особой «промыслительной» функции современного человечества, которое играет в разрушительную игру под названием «техносфера против биосферы». Особое внимание в современной отечественной философской литературе обращено на техническую и технологическую картину мира, на структуру и функции техносферы, но ментальная и духовная стороны технореальности оказываются в тени знамевых подходов современной философии науки и техники.

Вместе с тем отчетливо видно, что в последнее столетие – столетие мировых войн – отчетливо обнаруживают себя войны техносферных сознаний стран и народов. Во второй мировой войне обнаруживает себя не просто схватка научных, но и в значительной степени техносферных сознаний воюющих государств, прежде всего европейского техносферного сознания и российского (союзного) техносферного сознания. В битве под Прохоровкой эти техносферные сознания столкнулись с полным ожесточением: полные технологических новинок «тигры», показывающие технические преимущества европейской цивилизации, столкнулись с изощренностью народных военных технологий водителей быстроходных «тридцать четверою», которые, избежав лобового столкновения, пробивали боковую броню немецких «тигров». Войны технических умов ученых воюющих стран, дополнялись технологической народной смекалкой, людей, получивших в советской стране хорошее техническое образование. Этот пример говорит о сложной структуре техносферного сознания и его человеческого качества: соревновательность научных школ и низовое народное изобретательство оказались важными элементами в совершенствовании и развитии не только регионального, но и глобального техносферного сознания.

В конечном итоге во второй половине XX века именно разнаправленные глобальные техносферные сознания оказались главными агентами многочисленных геополитических столкновений современности.

Техническая и научно-техническая элита в XX веке стала самым большим и самым влиятельным отрядом того социального слоя, который иногда называют интеллигенция, а иногда интеллектуалы. Техносфера по своей

энергетической мощи оказалась сравнимой с биосферой и биосферными процессами (Баландин Р.К. Техносфера: область деятельности человека. Минск, 1982), более того, техносфера фактически объявила войну биосфере, а в конечном итоге и ноосфере рубежа XX – XXI веков. Техномышление подавило природно-биосферные интенциональности экологического мышления. По этой причине техносферное мышление и техносферное сознание оказались преимущественными факторами социально-антропологического развития последнего этапа индустриального (потребительского) общества. Технократизм стал ведущей парадигмой осмысления космо-планетарной реальности в эпоху начала космической эры, а процессы дегуманизации и расчеловечивания начали доминировать не только в искусстве, но и во всех остальных сферах человеческого бытия. Образ техночеловека и постчеловека стал главным героем информационно-компьютерной революции.

Ноомахии (Дугин А.Г. Ноомахия: войны ума. Логос Европы: средиземноморская цивилизация во времени и пространстве. М.: Академический проект, 2014. 530 с.) проявили себя, в том числе и в столкновениях глобальных техносферных и технологических сознаний: СССР в течение долгого времени вел не только оборонительные, но и наступательные действия в геополитических (горячих и холодных) войнах техносферных сознаний. Большую роль в успешном соперничестве играла советская наука, вобравшая в себя богатый опыт российской дореволюционной науки: Советская Россия показала свою атеистическую техно-сциентистскую ориентацию в борьбе с религиозным сознанием народных масс, но одновременно с этим создала условия для организации беспрецедентно широкого и эффективного образования народа и обеспечения развития прорывных научных направлений (См.: *Матиневский Г.* Наука: уроки победы // *Завтра*, 2015, 30 апреля).

Особое значение высокое техносферное сознание приобретает в современную эпоху социальной конвергенции и гибридных (фактически инфотехносферных) войн. Глобальное техносферное сознание формируется на основе современных информационных технологий, сетевых транснациональных структур и интернет-ресурсов. В основе техносферного (доминантного в наше время) сознания, подчинившего себе все без исключения сферы человеческой самореализации, лежит экспоненциально развивающееся научное сознание, поэтому для выживания любого геополитического субъекта, любой страны самостоятельное развитие науки является приоритетным (См.: *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.). Опыт развития интеллектуального и духовного потенциала страны показывает, что изъятие из среды техносферного сознания носителей интеллигенции (в силу чего они и являются интеллигенцией), которое осуществляется в России в последние два десятилетия, изымание из научного развития национальной интеллектуальной и интеллигентской традиции ведет к деградации не только культурного (духовного) сознания, но девальвации целостного техносферного сознания. Голый глобализм техносферного сознания «золотого миллиарда», его антибиосферная направленность в значительной степени обеспечивается амбивалентностью управленца-интеллектуала – «очень белого воротничка» постиндустриальной эпохи, образцом которого являются современные россий-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00833

ские «эффективные менеджеры»), сознательно или бессознательно наносящие серьезный урон ноосферной безопасности страны.

А. А. Соловьев

Костромской государственный технологический университет

ДОМИНАНТЫ РУССКОГО ПРАВОСЛАВИЯ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Православная церковь на всём протяжении развития российской государственности занимала особое место, определявшееся своеобразной ментальностью русского народа, в которой вопросы веры, духовного бытия являлись приоритетными в построении практической жизнедеятельности. Системный кризис цивилизации, трансформация политического поля, в том числе под влиянием всё более усиливающегося конфессионального фактора в мировой парадигме ценностей последнего десятилетия, актуализируют исследования комплекса вопросов, связанных с контекстом религиозного начала в экзистенциальные периоды истории, интеллектуальное постижение сакрального в эсхатологическом мироощущении XX столетия. Бытие человека есть прежде всего религиозное бытие, или проявление сакрального в самоидентификации человека. Реальное и значимое осознание мира связано с открытием сакрального. В опыте сакрального человеческого разум постигает различие между тем, что оказывается действительным, могущественным, изначальным и настоящим и что, будучи лишённым этих качеств, оказывается только хаотическим и опасным потоком, случайным и лишённым смысла возникновением и исчезновением вещей и явлений. Десакрализация человека и мира его окружающего, свойственное современной секуляризованной культуре, мотивирует прочтение священной истории человечества, поиск пути, ведущего к Храму, а, следовательно, вечного возвращения к первоистокам Бытия и обретению самого себя.

В день Всех святых в земле Российской просиявших, 22 июня 1941 г., нападением Германии на СССР началась Великая Отечественная война. Знаковый образ, во многом вопреки сложившейся атеистической системе государственной идеологии, эсхатологически предопределил конечную Победу Святой Руси в тяжёлых испытаниях середины XX в. Патриотическая позиция Русской Православной Церкви Московского Патриархата в первый же день войны была сформулирована в «Послании пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви» Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского), которое было разослано по всем действующим храмам страны. Он смог найти простые и, вместе с тем, соотносённые с историческими знаковыми символами российской истории слова, призвав церковное общество к исполнению долга, к защите Родины. 26 июня 1941 г. в Богоявленском соборе Москвы митрополит Сергий совершил молебен о даровании победы русскому воинству. Всего же за годы войны первоиерарх обращался с такими посланиями 23 раза. В них была определена твёрдая позиция РПЦ по отношению к агрессору и войне в целом, независимо от положения на фронте.

Как справедливо отмечает исследователь С.В. Болотов, советское руководство «несмотря на непрекращающиеся и в первые годы войны гонения на верующих, очень быстро осознано важность церковной поддержки не только среди солдат и трудящихся тыла, но и на международной арене» (Болотов С.В. Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930-1950-е годы. М., 2011. С.51). Доктрина новой модели церковно-государственных отношений в контексте иного, позитивного позиционирования советской власти в области внешней политики постепенно реализовывалась на практике. Так, была возобновлена издательская деятельность Московской Патриархии, санкционировано проведение двух архиерейских совещаний в марте и сентябре 1942 г. в Ульяновске, на которых подверглись осуждению раскольнические действия епископа Поликарпа (Сикорского) в связи с объявлением об автокефалии Украинской Православной Церкви и четверо прибалтийских архиерея, пославших приветственную телеграмму Гитлеру. При содействии руководства НКВД СССР была выпущена книга-альбом «Правда о религии в России» (1942 г.) и сборник «Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война» (1943 г.). Отметим перевод данных книг на иностранные языки и активное их распространение в странах Европы, США и на Ближнем Востоке. Зимой 1942-1943 г. на студии Ленкинохроники при непосредственном участии митрополита Николая (Ярушевича) был снят документальный фильм о сборе ленинградскими верующими средств на танковую колонну имени Дмитрия Донского и эскадрилью имени Александра Невского, что имело своим следствием безусловное возрастание позитивного образа СССР за рубежом. Всего же за годы войны поступления от православного духовенства и верующих в Фонд обороны по церковным каналам составили более 300 млн. руб. (без учёта драгоценностей, одежды и продовольствия).

На оккупированной советской территории нацистские СМИ акцентировали внимание к проблеме гонений на религию и верующих со стороны коммунистической партии, подчёркивая, что германские власти предоставляют полную религиозную свободу. В 1942 г. имперский комиссар Украины Эрих Кох в своём обращении к населению особое внимание уделил принципу веротерпимости и указал, что каждый будет иметь возможность жить согласно своей вере и убеждениям. Со временем предполагалось допустить на захваченные территории «новый класс проповедников», обученных и способных «толковать народу религию», свободную от национальной истории, традиций и культуры.

Проведение несанкционированных антирелигиозных мероприятий было запрещено на время войны с СССР особым приказом Гитлера в июле 1941 г. На оккупированной территории началось стихийное возрождение религиозной жизни. Это проявлялось в повсеместном открытии церквей и молитвенных зданий. В отчётах РСХА подчёркивалось, что «среди части населения бывшего Советского Союза, освобождённой от большевистского ига, замечается сильное стремление к возврату под власть церкви или церквей». В середине 1943 г. на оккупированных территориях действовало более 6500 православных храмов, что превышало почти в два раза число храмов на остальной территории СССР (3329). С разрешения рейхскомиссариата Остланд, контро-